

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

Исторические
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Звезда Пигаля (Мария
Глебова–Семенова)

Серия «Блистательные изгнанницы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138404

Блистательные изгнанницы: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09962-X

Аннотация

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопrotивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

Содержание

От автора	4
Звезда Пигаля	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Арсеньева
Звезда Пигаля
Мария Глебова-Семенова,
княгиня Нахичеванская

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние при-

вычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанницами. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанницами. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родовые восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благород-

ные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособлялись к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Звезда Пигалья

Мария Глебова-Семенова, княгиня Нахичеванская

Шумит ночной Пигаль... В 20-е годы минувшего столетия это был не просто район Парижа – это был город в городе. Улица, названная в честь скульптора Жана-Батиста Пигалья, обретшего славу большо-ого эпатажника после того, как он изваял обнаженного Вольтера (нашел же, между нами говоря, кого обнажать: мудреца весьма преклонных лет, никогда не страдавшего переизбытком внешней красоты), находилась близ Монмартра, который всегда имел известность скандальную, и близ бульвара Клиши, на коем не только крутились ночами красные лопасти знаменитой Мельницы – Мулен Руж, но и прогуливались туда-сюда жрицы любви – всех ростов и возрастов, всех цветов кожи, всякой комплекции, на всякий вкус, на всякий кошелек, гораздые на всевозможные причуды. Мелькали меж сими красавицами также и юные красавцы, поскольку охочих до содомского греха в мировую столицу распутства тоже приезжало немало...

Постепенно название улицы стало названием целого района: одноименной площади, улиц Фонтэн, Дуэ, да и вообще всех прилегающих. И все же сначала Пигаль был не более чем случайным сборищем злачных мест, воровских при-

тонов и всяческого бесстыдства. Но после Первой мировой войны, а особенно – после русской революции...

Франция понемногу приходила в себя, осваивалась в мирной жизни, люди жаждали веселья, а эмигрантам, вновь и вновь являвшимся из России, надо было чем-то жить, потому в Пигале плодились, росли, словно грибы после дождя, русские кафе, ресторанчики и рестораны, закусочные, бары... Кстати, в то время русские говорили именно так – не «на Пигале», а «в Пигале». Поскольку Пигаль – это было нечто большее, чем просто площадь, просто улица, просто район. Это был образ жизни.

Здесь сосредоточилось особенно много русских ресторанов и заведений для удовольствия; здесь было бесчисленное количество нежных русских проституток с громкими фамилиями и родословными, а также изысканных, хорошо образованных сутенеров, не уступавших им происхождением; здесь русские оркестры и цыганские хоры заглушали саксофоны негров и звуки безумно модного аргентинского танго; здесь можно было за небольшую – по сравнению с центром Парижа – плату провести безумную ночь, забыться в каком угодно чаду, под какой угодно аккомпанемент – хоть цыганской скрипки, хоть джаза, хоть русской песни. Здесь можно было не говорить по-французски, потому что русские открыли здесь свои парикмахерские, лавки, отельчики. Жили здесь. И ходили по улицам казаки, гвардейские полковники, профессора Московского и Петербургского университетов, зна-

менитые артисты, писатели, красавицы, кружившие головы высшему свету в обеих русских столицах, а теперь отдававшиеся за ничтожные деньги любому праздному американцу, которых сюда влекло, как мух на мед...

В Пигале было все перемешано, все свалено в одну кучу. Это была пристань для смятенных сердец и опустившихся тел, призрак радости, которая исчезала при первых лучах солнца.

Да, ночных ресторанов здесь было хоть пруд пруди. Имелись заведения совсем скромные, куда ходили люди, жившие в дешевых отелях, где негде было готовить и не было пансиона. Впрочем, и в таких простеньких ресторанах можно было кутнуть, если заводились деньги. Имелись и очень дорогие кабаки с джазом, который тогда начал входить в моду, или нарочитые а-ля рюсс; были просто, так сказать, приличные места – с красивыми, изысканными дамами для танцев, а то и с мужчинами, наемными танцорами. А где-то имелось всего понемногу – изысканности и пошлости, сдержанности и разврата, дешевого шика и тонкости вкуса, модных волнующих мелодий – и залихватских песенок вроде вот этой, рожденной революцией:

Я гимназистка седьмого класса,
Пью политуру заместо квасу,
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка!

Et cetera, et cetera...

Как раз на пересечении улиц Пигаль и Фонтэн – с правой стороны, если идти по направлению к пляс Пигаль, – находился в 1925 году небольшой ресторанчик, который ловко балансировал между богатством и бедностью, вульгарностью и приличием. В нем песенка про знаменитый шарабан звучала особенно часто. Но не только благодаря ей пользовалось сие заведение особенным успехом в Пигале. Немалую популярность снискало оно и из-за своего названия – «Золото атамана».

Очень интригующее название... Люди осведомленные усматривали в нем весьма прозрачный намек на скандальную и загадочную историю. Как известно, адмиралу Александру Васильевичу Колчаку достался на хранение золотой фонд Российской империи. Потом, когда чехи сдали сибирского диктатора красным, Колчак, предвидя собственную трагическую участь, передал золото на хранение атаману Семенову, своему другу и преемнику. В 1921 году Семенов бежал с остатками своих частей в Маньчжурию. Куда при этом делось золото – баснословное количество! – не знал никто. Догадок строилось – считать устанешь...

И вот нате вам – «Золото атамана»! Кабак в Пигале с роковым, судьбоносным, загадочным, обещающим, манящим названием! Какое золото? Уж не колчаковское ли? Какого атамана? Уж не Семенова ли? Получалось, что человек, который открыл заведение, что-то знал о судьбе золотого запаса

са бывшей Российской империи?

На этот вопрос немедля возникал однозначный ответ – «нет», стоило только любопытствующим увидеть содержателя ресторанчика. Звали его Тархан, и был он вроде бы армянин. . . Во всяком случае, внешностью (небезызвестный Ломброзо¹ счел бы ее материалом благодатнейшим!) напоминал он сапожника либо чистильщика сапог, каких великое множество развелось в свое время и в Москве, и в Петербурге, и в Тифлисе, и в Эривани, и в других городах бывшей России. Причем растения-то были весьма теплолюбивые: за Урал, тем паче – в Сибирь, носа они не совали, так что едва ли Тархан бывал-живал в Забайкалье и водил знакомство с адмиралом Колчаком, даже атаманом Семеновым, чтобы каким-то непостижимым образом сделаться поверенным их тайн. Другое дело, что среди obsługi его кабака были люди именитые. Швейцаром служил бывший генерал Н. Метрдотелем – полковник ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка фон Р. К офицерскому составу этого же полка некогда принадлежали два официанта (увы, даже инициалов их не сохранило беспощадное время). В хоре пели бывшие баронесса, профессор Московского университета и оперная дива Мариинки, также оставшиеся неизвестными. Экс-князь Б.-Б. служил наемным танцором, экс-граф

¹ Чезаре Ломброзо – итальянский психиатр и криминалист XIX в., выдвинувший теорию определения черт характера человека (в том числе криминальных наклонностей) по строению черепа.

Л. был ныне *шоффэр* битого-перебитого «Рено» – развозил по домам подвыпивших посетителей кабака, пользуясь протекцией генерала-швейцара. Ну что, такая великосветская, сиятельная кабацко-ресторанская обслуга была в те баснословные времена явлением обыденным. Вполне может стать, кто-то из господ офицеров прежде служил в Забайкалье и вот в память о тех невозвратимых временах и его героях и предложил поименовать новую ресторацию на углу Пигаль и Фонтэн «Золотом атамана».

Эта версия, как иногда пишут авторы криминальных романов, вполне имела бы право на существование, когда бы не была совершенно далека от истины. А истина состояла в том, что господин Тархан, и в самом деле бывший тифлисский сапожник, являлся не настоящим владельцем сего кабака со столь интригующим названием, а лицом подставным. Но докопаться до того, кто был истинным содержателем «Золота атамана», не мог никто, хотя многие и пытались.

А между тем ответ, как это очень часто и бывает, лежал буквально на поверхности, и сего хозяина любой и каждый посетитель ресторана мог лицезреть в Пигале довольно часто, чуть ли не еженедельно. Ну а уж раз в две недели хозяин «Золота атамана» появлялся в своем заведении непременно.

Вернее, не хозяин, а хозяйка, потому что ресторан принадлежал женщине.

Впрочем, глядя на нее, никто, даже самый проницательный человек (да возьмите хоть того же Ломброзо!) нипочем

не догадался бы, что это не просто завсегда́тай (или следует все же сказать – завсегда́тайка?) ресторации, а его владеле́лица. Дама сия приезжала в наемном авто, таким же образом и уезжала, но вовсе не обязательно пользовалась услугами графа-шоффе́ра. Никаких знаков почтения она к себе не требовала, кроме тех, какие непременно полагались всякому клиенту, того паче – клиентке, еще того паче – клиентке столь привлекательной.

Она и впрямь была очень мила – лет двадцати пяти или двадцати восьми, беленькая, румяная, в том немножко простодушном светло-русом и голубоглазом русском стиле, который в первые послереволюционные годы очаровал Париж, а потом ужасно ему приелся. Но пока время пресыщения еще не наступило, и даже самые простенькие русские красавицы котировались в столице моды и веселья – котировались весьма и весьма высоко! Тем более если они не топтались скромненько у задних дверей, щеголяя некогда роскошными обносками и титулами с пресловутой приставкой «экс», а разъезжали в авто, одевались с иголки в шикарных модных домах, мерцали брильянтовыми серьгами, имели на шее длинные нити жемчугов и небрежно роняли с белых прекрасных плеч манто баснословной цены из настоящих русских соболей, а то даже из горностаев. Этак небрежно, по-королевски...

Дама сия держала себя если не по-королевски, то уж наверняка по-княжески. Она даже появлялась в ресторации не

одна. Причем появлялась не в сопровождении кавалера, а при ней всегда имела место быть какая-то бесцветная особа в черном, с поджатыми губками и опущенными глазками – что-то вроде компаньонки или дуэньи. Якобы сама наша дама уж такая скромница и недотрога, что ни шагу супротив приличий не шагнет!

Бонтонные приличия блюлись, впрочем, недолго. Отведав (под «беленькую»!) красненькой рыбки или селедочки дунайской, непременно с рассыпчатой картофелью, покушавши еще кислой капусты или бочковых крепеньких, хрустящих огурчиков, засоленных знатоками сего дела прямо в подсобных помещениях ресторации (делая заказ, дама каждый раз доверительно сообщала: «Вустрицы осточертели – мочи нет!», при этом выразительно чиркая по нежной шейке ребром ладони и закатывая голубые, чисто сапфировые глазки), дама просила на горячее котлет, потом блинов со сметаной и еще чаю – покрепче, сладкого с лимоном, да непременно в подстаканнике. Вкусы ее знали в «Золоте атамана» получше, чем «Отче наш», однако каждый раз метрдотель, следуя правилам игры, выслушивал заказ лично, со вниманием неподдельным и истовым. А и впрямь было ему любопытно: вдруг да изменится заказ? Бывало, бывало и такое! Например, просила дама на сладкое киселя с молоком... Но это было единственное, что менялось. Прочее же оставалось прежним.

Так же, как и то, что происходило после ужина.

Пошевелив плечиками, которые до сей минуты были прикрыты кашемировой шалью (неужто еще не упоминалось, что при любом туалете, будь то вышитая стеклярусом туника из «Китмира», который держала великая княгиня Марья Павловна, или нежнейшее шифоновое струящееся платьице из «Ирфе», от самой Ирины Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон, или какое-нибудь геометрическое творение Поля Пуаре, а то и безделка «некой Шанель», дама наша всегда имела на открытых плечиках еще и шальку, расписанную капустными розами?), и обнажив их, дама шла танцевать с князем Б.-Б., который умел и в вальсе покружить, и в танго пройти на полусогнутых, по-змеиному вертя головой, и даже виртуозно швырял в стороны нижние конечности в зажигательном, модном-премодном чарльстоне, которым американка Джозефин Бэйкер, недавно гастролировавшая в Европе, «заразила» весь Старый Свет и который стал королем танцев.

Наша дама танцевала превосходно! Она была столь неутомима, что князь Б.-Б., слывший некогда первым танцором и самым галантным бальным кавалером Петербурга, начал дышать тяжело и неровно, на висках его появлялась испарина, а щеки блестели глянцевым, слишком ярким румянцем... И никому, в том числе и ему, было тогда еще неизвестно, что румянец тот не простой, а чахоточный, и именно из-за чахотки суждено умереть в Париже (вернее, в Пигале) отпрыску древнего русского рода... Царство ему небесное,

конечно, бедолаге, однако не о нем сейчас речь.

Заметив, что кавалер начинает сбиваться с ноги и задыхаться, дама сочувственно улыбалась ему, трепала по плечу, которое раз от разу становилось все костлявее, просила подать себе еще чаю, выпивала стакан маленькими глоточками, а потом с улыбкою поднималась на маленькую сцену, которую предусмотрительно освобождал маленький утомленный хор. И...

Я гимназистка седьмого класса,
Пью политуру вместо кваса,
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Порвались струны моей гитары,
Когда бежала из-под Самары.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Помог бежать мне один парнишка,
Из батальона офицеришка.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

А выпить хотца, а денег нету,
Со мной гуляют одни кадеты,
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Продам я книжки, продам тетради,
Пойду в артистки я смеха ради.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Продам я юбку, жакет короткий,
Куплю я квасу, а лучше б водки.
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Прощайте, други, я уезжаю,
Кому должна я, я всем прощаю,
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка, я шарлатанка.

Прощайте, други, я уезжаю
И шарабан свой вам завещаю.
Ах, шарабан мой, обитый кожей,
Куда ты лезешь с такою рожей?

В ход шло все – все самые дешевые кафешантанные за-
машки и приемчики, благо дама отличалась фигурой вели-
колепной, поворотливостью замечательной, а ноги, то и дело
вскидываемые так высоко, что видны были черные сетчатые
чулочки и маленькие кружевные, с шелковыми ленточками
пantalончики из дома белья «Адлерберг», – ноги эти были
не ноги, а мечта любого мужчины!..

Ах, что тут начиналось в зале... *Что тут начиналось!*

Ошалевшие американцы швыряли на сцену не то что банкноты – кошельки, набитые долларами, которые уже и в те времена были самой надежной купюрой. Ошалевшие французы (нация более прижимистая, а в ту пору и менее состоятельная) отбивали ладони в щедрых аплодисментах. Преследуемые фантастической инфляцией немцы (нация еще более прижимистая!) ладони жалели и топотали в знак неопишуемого восторга ногами. Русские, которые, разумеется, тоже случались среди посетителей популярного кабака, расплачивались самой чистой и неподдельной валютой – слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.